

В. В. Антропова

УЧАСТИЕ ЭТНОГРАФОВ В ПРАКТИЧЕСКОМ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЛЕНИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ НА КРАЙНЕМ СЕВЕРЕ (1920—1930 гг.)

Одним из величайших достижений Великой Октябрьской социалистической революции является успешное решение национального вопроса. Декларация прав народов России, опубликованная 16 (3) ноября 1917 г. за подписью В. И. Ленина, провозгласила равенство и суверенитет всех народов бывшей царской России. Декларация предусматривала свободное национальное развитие не только наиболее крупных народов, сформировавшихся в нации, но и национальных меньшинств и этнографических групп. В 1921 г. В. И. Ленин, характеризуя окраины России, писал: «Посмотрите на карту РСФСР. К северу от Вологды, к юго-востоку от Ростова-на-Дону и от Саратова, к югу от Оренбурга и от Омска, к северу от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки громадных культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость»¹.

В те годы население Крайнего Севера, распыленное на огромных пространствах тайги и тундры, состояло из малочисленных разноязычных групп. Большинство их вело кочевой или полукочевой образ жизни, занималось охотой, рыболовством и оленеводством. Отсталым формам натурального хозяйства соответствовали не менее отсталые формы общественных отношений, сочетавшие доклассовые и раннеклассовые уклады.

Ленинское учение о возможности непосредственного перехода отсталых народов к социализму, минуя капитализм, определило дальнейший путь развития народов Севера. Эти народы стали предметом особой заботы со стороны Коммунистической партии и Советского государства. Для наблюдения за проведением в жизнь национальной политики партии на Севере в начале 1922 г. при Отделе национальных меньшинств Народного комиссариата по делам национальностей был создан специальный орган — Подотдел по охране и управлению первобытными племенами севера России². К работе этого органа были привлечены видные ученые, в том числе и этнографы Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз. Последний участвовал в разработке проектов строительства новой жизни у народов Крайнего Севера. В марте 1923 г. на коллегии Народного комиссариата по делам национальностей он выступил с докладом «Об изучении и охране окраинных народов», к которому были приложены практические предложения³. Большую работу среди коренного населения Красноярского края вел И. М. Суслов, который в те годы возглавлял подотдел исследований в Красноярском отделе по делам национальностей⁴.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 43, стр. 228.

² В. Д. Новиков, К истории освоения Северного морского пути в первые годы Советской власти, «Летопись Севера», М.—Л., 1949, стр. 35.

³ «Жизнь национальностей», 1923, № 3—4.

⁴ О деятельности И. М. Суслова см.: А. Лазебников, Далеко за Угрюм-рекой, М., 1970.

С первых шагов своей деятельности работники Подотдела по охране и управлению первобытными племенами установили, что отсутствуют самые необходимые сведения о расселении, численности, хозяйстве, культуре и быте северных народов. Сбор этих материалов был поручен Этнографическому бюро, созданному при Подотделе⁵.

С 1924 г. работу по преобразованию хозяйства и быта народов Севера возглавляет Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера), организованный при ВЦИК. При краевых, областных и окружных исполнительных комитетах были созданы «местные комитеты содействия народностям северных окраин» (Архангельский, Томский, Иркутский, Дальневосточный и др.)⁶.

В состав Комитета Севера вошли этнографы старшего поколения В. Г. Богораз и Л. Я. Штернберг, в дальнейшем были введены Я. П. Кошкин, П. Е. Терлецкий, И. М. Сулов (одновременно возглавлял Красноярский Комитет Севера), М. А. Сергеев, являвшийся также членом Дальневосточного Комитета. Они оказали большую помощь в разработке важнейших законодательных актов по организации управления у народов Севера, в создании учебных заведений для этих народов, в подготовке материалов для национального районирования и т. д. В работе Дальневосточного Комитета Севера деятельное участие принимал В. А. Авропин, а с 1928 по 1930 г. консультантом по вопросам районирования был этнограф К. Б. Шавров.

Комитет Севера и его местные органы осуществлял различные практические мероприятия по ликвидации отсталости народов Севера: организовывали снабжение и медицинское обслуживание, создавали школьную сеть, разворачивали культурно-просветительную работу и т. д. В этих условиях, этнография приобрела практическое значение и была тесно связана с задачами социалистического строительства на Крайнем Севере. В. Д. Виленский-Сибиряков (член Комитета Севера) говорил: «Современная советская этнография имеет перед собой почетную задачу содействовать своей творческой научной работой возрождению малых туземных племен советского Севера»⁷.

Основную информацию о расселении, состоянии хозяйства и жизни разных групп населения Севера давали, во-первых, специальные экспедиции и командировки, организованные Комитетом Севера, во-вторых, материалы в виде объяснительных записок, актов обследования, писем, личных отчетов товарищей, возвратившихся из командировок с мест⁸. Экспедиционные исследования велись особенно интенсивно с 1925 по 1931 г., изучались самые отдаленные и глухие места тайги и тундры.

В мае 1925 г. Комитет Севера принял решение послать на Север выпускников и студентов этнографического факультета Ленинградского географического института. Энтузиастом этого начинания был В. Г. Богораз. «Мы должны посылать на Север не ученых, а миссионеров, миссионеров новой культуры и советской государственности. Не старых, а молодых, не испытанных профессоров, а начинающих, только что окончивших курс работников, воспитанных новой советской средой и готовых нести на Север весь пыл энтузиазма, рожденный революцией...»⁹. В ре-

⁵ М. А. Сергеев, Некапиталистический путь развития малых народов Севера, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. сер., т. XXVII, 1955, стр. 214.

⁶ Комитет Севера организован 20 июня 1924 г. (Собрание Указаний 1924, № 57, ст. 556), местные комитеты Севера— 23 февраля 1925 г. (Собрание Указаний 1925, № 18, ст. 113).

⁷ В. Д. Виленский-Сибиряков, Задачи изучения малых народностей Севера, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 60.

⁸ В настоящее время эти материалы находятся в Центральном Гос. архиве Октябрьской революции и социалистического строительства в Москве, Гос. архиве Красноярского края, Гос. архиве Томской области и др. Они являются ценнейшим источником для изучения начальных этапов социалистического строительства на Крайнем Севере.

⁹ В. Г. Богораз, Подготовительные меры к организации малых народностей, «Северная Азия», 1925, кн. 3, стр. 48.

золюции по докладу В. Г. Богораза «Ленинградский географический институт и подготовляемые им работники» было записано: «Северный Комитет считает необходимым содействовать развитию северного цикла обучения с соответственным рабфактом при этно-географическом факультете Ленинградского государственного университета... с тем, чтобы окончившие студенты привлекались для длительной работы среди малых народностей Севера»¹⁰.

В соответствии с новыми требованиями на этнографическом факультете Географического института, а с 1925 г. на этнографическом отделении университета были пересмотрены учебные планы: созданы циклы специализации по этнографии народов Севера, введено изучение их языков, в программе обучения предусматривалась длительная производственная практика (2—3 года) или стажировка после окончания, также в течение нескольких лет, в районах Севера.

Студенты регулярно ездили в экспедиции, во время которых выполняли разнообразные задания Комитета Севера: собирали демографические данные, обследовали культурно-просветительные учреждения, готовили материалы для разработки письменности.

Так, например, в 1929 г. тунгиро-олекминскому отряду, руководимому Г. М. Василевич, было поручено выяснить состав населения, расселение и места кочевок эвенков с целью определения границ деятельности будущей культбазы; нижеамурский отряд в составе В. И. Цинциус и К. М. Мыльниковой (1926—1927 гг.) должен был выяснить возможность объединения тунгусов с негидальцами и пути перехода к оседлому образу жизни оленеводческого населения. Е. П. Орлова в 1934 г. по заданию Дальневосточного Комитета Севера обследовала состояние школ и больниц Чукотского национального округа и т. д.

Молодыми этнографами 20-х годов были собраны очень интересные и важные в научном плане материалы для практического осуществления ленинской национальной политики. Изучением ненцев занимались В. Н. Чернецов, Н. А. Котовщикова, Г. А. Старцев; манси — В. Н. Чернецов; хантов — Г. А. Старцев; кетов — Г. Н. Прокофьев и Н. К. Каргер; саамов — З. Е. Черняков; тунгусо-маньчжурскими народами — И. М. Суслов, В. И. Цинциус, К. М. Мыльникова, Я. П. Кошкин, Н. М. Ковязин и др.

Особо следует отметить многолетние экспедиционные исследования Г. М. Василевич, побывавшей в 1926—1930 гг. у разных групп эвенков. Собранные ею материалы оказали большую помощь в проведении национального районирования. Поездки Г. М. Василевич в 1931, 1935 и 1936 гг. были связаны с разработкой письменности на эвенкийском языке и школьным строительством¹¹.

В результате исследований этнографов был уточнен список племен, населяющих северные окраины. К группе «малые народы Севера» были отнесены: саамы, ханты, манси, ненцы, энцы, нганасаны, селькупы, кеты, эвенки, эвены, негидальцы, нанайцы, ульчи, орочи, ороки, удэгейцы, нивхи, чукчи, коряки, ительмены, чуванцы, юкагиры, эскимосы, алеуты, долганы, тофалары.

Находясь в «поле», этнографы нередко сочетали исследовательскую работу с общественной деятельностью, имевшей большое практическое значение. Например, сотрудники нижеамурского отряда В. И. Цинциус и К. М. Мыльникова занимались в 1926—1927 гг. ликвидацией неграмотности среди негидальцев. То же самое делали студентки Е. Ершихина и Л. Осипова во время экспедиции к сымским эвенкам в 1930 г., Г. М. Василевич выступала переводчиком на районном Съезде Советов витимо-олекминских эвенков (1929 г.). Студент В. Я. Вецкактин, будучи

¹⁰ «Северная Азия», 1925, кн. 3, стр. 107.

¹¹ О работе Г. М. Василевич см.: сб. «Г. М. Василевич — крупнейший советский тунгусовед» (К 70-летию со дня рождения), Якутск, 1965.

участником Большеземельской экспедиции (1923—1924 гг.), состоял членом правления ненецкого кооператива «Кочевник»¹². Сотрудник Таймырской экспедиции Института этнографии АН СССР А. А. Попов во время избирательной кампании 1937 г. выполнял обязанности переводчика. Он знакомил долган и нганасан с Конституцией СССР 1936 г.

В 1926—1927 гг. на Крайнем Севере было проведено очень важное демографическое и экономическое обследование — Приполярная перепись, в которой участвовали в качестве регистраторов две группы этнографов. Одна из них проводила работу на севере Западной Сибири: Б. О. Долгих — в низовьях Подкаменной Тунгуски и на Таймыре, В. Н. Чернецов в Березовском районе Уральской обл. Н. А. Котовщикова и Р. П. Митусова — у лесных ненцев, Г. И. Каминский — у казымских хантов; другая группа в составе Е. П. Орловой, К. И. Бауэрмана, К. Б. Шаврова и Ф. М. Физика — на Камчатке. Н. Ю. Серк проводил перепись у тунгусоязычного населения Советского района Хабаровского округа. Каждый из переписчиков преодолел тысячекилометровые маршруты¹³. В обработке материалов Приполярной переписи по Дальнему Востоку активное участие приняли П. Е. Терлецкий и К. Б. Шавров.

Весьма многогранной была в 1920—1930 гг. деятельность этнографов на фронте советского и культурного строительства на Крайнем Севере. Работая учителями, в органах советского аппарата или культурно-просветительных учреждениях, молодые специалисты быстро осваивали языки северных народов, устанавливали тесный контакт с населением, изучали его быт. Таким образом, достигалось единство научно-исследовательской и практической работы.

Знание языка открывало путь к сердцу народа. Об этом образно пишет в своем дневнике М. Г. Левин: «...когда стал я говорить по-тунгуски — фурор полнейший, сразу же оживление. Здорово сближает язык», — заключает он¹⁴.

Г. Н. Прокофьев, обобщая итоги своей работы среди селькупов, пишет: «Ученики за два года очень привыкли ко мне... Иначе как «рус соль куп» — «русский самоед» они меня не называют. Это, по-видимому, очень почетное звание для русского»¹⁵.

Педагогами в корякских школах начали свою трудовую деятельность этнографы С. Н. Стебницкий¹⁶, Н. А. Богданова, Я. К. Коровушкин, И. С. Вдовин, М. И. Шабурова; в эвенкийских — А. Ф. Анисимов¹⁷, А. В. Федорова, В. Ф. Курочкина, П. И. Смирнов и др. В школах на Чукотке (у чукчей и эскимосов) работали супруги А. С. и К. М. Форштейн, Т. А. Молл, И. С. Вдовин, Н. Б. Шнакенбург, В. Д. Нескучаева; у чуванцев — В. И. Иванчиков. У селькупов преподавали Г. Н. и Е. Д. Прокофьевы¹⁸, у эвенов — Л. Д. Ришес, у народов Амура — Я. Минц, на Сахалине — Е. А. Крейнович.

Работа учителя в северных районах протекала в сложных условиях. Часто нужно было преодолеть отрицательное отношение родителей к

¹² Ленинградское отделение Архива АН СССР (далее ЛОА АН СССР), ф. 250, оп. 4, ед. хр. 173.

¹³ «Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927 гг.)», Благовещенск, 1929, стр. XVII—XX.

¹⁴ И. С. Гурвич, Этнографическая деятельность М. Г. Левина на Охотском побережье в 1930—1932 гг., «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. IV, М., 1968, стр. 116.

¹⁵ Г. Н. Прокофьев, Культурный очаг далекого Севера, «Северная Азия, 1927, кн. 5—6, стр. 78.

¹⁶ С. Н. Стебницкий, У коряков на Камчатке, М., 1931.

¹⁷ А. Ф. Анисимов, Два года у тунгусов, «Сов. этнография», 1932, № 2.

¹⁸ Г. Н. Прокофьев, Три года в самоедской школе, «Советский Север», 1931, № 7—8; В. Г. Богораз, Работа Г. Н. Прокофьева среди остяко-самоедов, «Этнография», 1928, № 2.

обучению детей, нередко самому организовать школу, выработать методы преподавания, поскольку учитель и ученики часто говорили на разных языках и не понимали друг друга. «Обучить чему-то учеников, почти не говорящих по-русски, часто и не знающих ни одного слова по-русски,— это задача далеко не легкая»¹⁹,— писал Г. Н. Прокофьев о своей работе в селькупской школе. Такое положение было типично для большинства северных школ. Одновременно с грамотой нужно было учить детей умываться, чистить зубы, т. е. прививать им навыки личной гигиены.

Учителя кочевых школ кочевали вместе со стойбищем. Краевед Чаунской культбазы И. С. Архинчеев писал в дневнике: «21 февраля 1934 г.... стойбище оленевода Вуатагина... В нем работает наша школа в собственной яранге с пологом. Оказывается, она во время нашей кочевки пострадала больше всех... Мел для классной доски превратился в порошок. Сильно побились аспидные доски и грифеля. Не выдержали испытания и переплеты школьных книг и тетради. Но школа работает.... Из-за недостатка кислорода в пологе тускло горит свеча, и в школе полумрак»²⁰.

Другим участком, на котором нашли применение своим знаниям молодые этнографы, были культурно-просветительные учреждения, имевшие, как и школа на Крайнем Севере, особые формы. Для обслуживания кочевого населения Комитетом Севера были созданы передвижные красные чумы, красные яранги, красные юрты, плавучие базы и т. д. Их основной задачей являлось проведение массовой воспитательной работы среди народов Севера и оказание помощи партийным и советским организациям. Политико-воспитательную и культурно-просветительную работу проводили также культбазы, комплексные учреждения, призванные осуществлять всестороннее обслуживание коренного населения.

Первым заведующим Большеземельским красным чумом в 1930—1931 гг. работал студент этнографического отделения Ленинградского университета Г. Д. Вербов, а в 1932 г.— В. Пανε-Братцев. Организатором и заведующим красным чумом на о. Колгуеве в 1931—1933 гг. был А. Г. Подэкрат. В Анадырской красной яранге (Чукотский национальный округ) в 1931 г. работала ученица В. Г. Богораз — Д. С. Цыбектарова²¹. Культурно-просветительной работой среди нанайцев занималась М. А. Каплан.

Сотрудниками культбаз в конце 20-х — начале 30-х годов состояли Н. М. и Н. Г. Ковязины, Н. П. Никульшин (Туринская культбаза); Г. И. Каминский (Казымская культбаза); Г. Н. и Е. Д. Прокофьевы (культбаза Хоседа-Хард); М. Г. Левин (Ногаевская культбаза); П. Ю. Молл и Н. Б. Шнакенбург (Чукотская культбаза); Н. Н. Билибин²² и В. М. Крылов (Корякская культбаза). В организации Туринской культбазы большую помощь оказал И. М. Суслов.

Не менее плодотворной была деятельность этнографов в органах советского аппарата. Им доверялись такие ответственные участки, как работа инструкторов или уполномоченных по туземным делам при ревкомах и исполкомах.

На этих должностях работали К. И. Бауэрман (в Быстринском районе Камчатской обл., 1925 г.), Е. А. Крейнович (на Сахалине, 1927 г.), Лебедев (в Благовещенском округе, 1927 г.), С. А. Бурегин (в Сретенском районе, 1928 г.), Г. Соколов (в Хабаровском округе, 1929 г.) и др.

¹⁹ Г. Н. Прокофьев, Культурный очаг далекого Севера, стр. 77.

²⁰ И. С. Архинчеев, Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства. «Сибирский этнографический сборник», II, М.—Л., 1957, стр. 81—82.

²¹ Об этом см.: В. Г. Богораз, Луораветланский (чукотский) язык, сб. «Языки и письменность народов Севера», ч. III, М.—Л., 1934, стр. 9.

²² Н. Н. Билибин не получил специального этнографического образования, но он известен как автор ряда интересных работ по общественному строю коряков.

Выполняя поручения партии, они участвовали в создании советских органов власти и помогали налаживать их работу у народов Крайнего Севера, знакомили население с политикой Коммунистической партии, проводили избирательные кампании и т. д.

После образования национальных округов (1930 г.) этнографов можно было встретить на постах инструкторов районных и окружных исполнительных комитетов, руководителей различных комиссий окружкомов. Здесь можно назвать имена Д. С. Цыбектаровой (Чукотский национальный округ), Н. М. Ковязина (Эвенкийский национальный округ), М. Г. Левина (Охотско-Эвенкийский национальный округ), Е. П. Орловой (Хабаровский край). Деятельность работников советского аппарата на местах была весьма разнообразной. Кроме своих прямых обязанностей им приходилось быть переводчиками на собраниях, выполнять секретарские обязанности, помогать национальным колхозам в составлении планов, вести статистическую отчетность и т. д.

В 1934 г. группа сотрудников Института народов Севера, воспитанников этнографического отделения Ленинградского университета, была направлена на укрепление партийного аппарата в Чукотский и Корякский национальные округа: Н. Точмин — в пос. Пенжино, С. А. Бурягин — в Марковский район, Ф. Н. Шабуров работал секретарем Карагинского райкома партии, а затем секретарем Корякского окружкома партии.

Следует отдать должное тому энтузиазму, с каким в суровых условиях Севера работало большинство этнографов. Об этом свидетельствуют письма, дневники, архивные документы.

В письме В. Г. Богоразу выпускник Московского университета В. И. Иванчиков просит дать ему возможность изучить чукотский язык, «...а затем ехать надолго, на большую работу в страну рожденных «от беломорской жены» и там хотя бы в малой степени продолжить Ваше дело, начатое Вами на Колыме в 1894 г.»²³. «Уеду в самую глушь тайги, к реке Ванкарема. Твердо уверен в себе и работе»²⁴, — писал студент Н. Б. Шнакенбург в 1931 г. с далекой Чукотки. Другой студент, Я. Минц, сообщал: «Не думайте, что я жалуясь на тяжелые условия и жалею о поездке. Ничуть не бывало. Достаточно сознания, что во всем районе только один грамотный туземец, чтобы работать не покладая рук. Я это и делаю и кое-что за это время успел организовать»²⁵. Упоминаемый здесь неоднократно К. И. Бауэрман после завершения Приполярной переписи поехал в самый отдаленный район Камчатки к паренским корякам для организации показательной кузницы. Коряки по настоянию шамана потребовали, чтобы он удалился из их селения, на что К. И. Бауэрман ответил: «...сам ни в коем случае не уйду из Пареня, и ежели я действительно мешаю корякам, то они могут связать меня, положить на нарту и вывезти из селения. Упорство подействовало...»²⁶. К. Бауэрман остался и стал лучшим другом и советчиком паренцев.

Вспоминая свою работу на о. Колгуеве, А. Г. Подэкрат заключает: «Годы, проведенные среди ненецкого населения, среди небольшого... но самоотверженного, полного энтузиазма комсомольско-молодежного коллектива работников были и остаются лучшими годами моей работы и жизни. Каждый из нас понимал, что любое его действие, любой поступок, каждое слово воспринимаются местным населением не только как поступок данного человека, а как поступок и действие посланца партии, комсомола, Советской власти»²⁷.

²³ ЛОА АН СССР, ф. 250, оп. 3, ед. хр. 174, л. 45.

²⁴ Там же, оп. 4, ед. хр. 380, л. 7 об.

²⁵ С. Макарьев, На полевой работе (Из писем молодых этнографов), «Этнограф-исследователь», 1928, № 2—3, стр. 56.

²⁶ М. Поляновский, А. Литвинов, Скачок через столетия, М., 1931, стр. 70.

²⁷ Личное письмо А. Г. Подэкрата от 14 ноября 1969 г.

Практическая деятельность многих этнографов получила высокую оценку. Выступая в 1927 г. на расширенном пленуме Комитета Севера, А. В. Луначарский отметил преподавательскую работу «этнографа и языковеда» Г. Н. Прокофьева²⁸. Методикой его преподавания заинтересовалась Н. К. Крупская, которая лично беседовала с ним и одобрила его метод²⁹. В одной из статей журнала «Советский Север», посвященной работе студентов-этнографов, уехавших на Дальний Восток, было написано: «Этноотделение... может гордиться тем, что его работники на Севере являются пионерами советской культуры на крайних северных форпостах СССР, выполняющими свою работу с большой настойчивостью и энтузиазмом»³⁰.

Большой вклад внесли этнографы в дело создания письменности на языках народов Севера. Из стен этнографического факультета вышли такие крупные лингвисты, как Г. М. Василевич, В. И. Цинциус, В. А. Аврорин, Т. И. Петрова (тунгусо-маньчжурские языки), Г. Н. Прокофьев (самодийские языки), Е. А. Крейнович (нивхский, кетский, юкагирский языки), С. Н. Стебницкий (корякский язык) и др.³¹

Этнографы-лингвисты приняли деятельное участие в работе «Комитета нового алфавита» по разработке письменности на языках народов Севера. Ими были написаны первые буквари и многие другие учебные пособия на языках северных народов.

До издания печатной литературы некоторые национальные школы пользовались рукописными букварями, составленными Г. М. Василевич для эвенкийских школ, Г. Н. Прокофьевым — для селькупских, Н. А. Богдановой — для корякских. Первый печатный букварь (на нанайском языке), составленный Н. А. Липской, был издан в Хабаровске в 1928 г. В последующие годы выходят буквари на эвенкийском (Г. М. Василевич)³², на чукотском (В. Г. Богораз), на корякском (С. Н. Стебницкий), на эскимосском и ительменском (Е. П. Орлова), на эвенском (В. И. Цинциус), на удэгейском (Е. Р. Шнейдер), на ненецком (Г. Н. Прокофьев), на селькупском (Е. Д. Прокофьева), на хантыйском и кетском (Н. К. Каргер), на саамском (З. Е. Черняков), на мансийском (В. Н. Чернецов), на нанайском (В. А. Аврорин), на нивхском (Е. А. Крейнович) языках.

Вслед за букварями были изданы книги для чтения, грамматики, учебники арифметики и др. За выпуском учебных пособий на языках народов Севера последовало издание политико-массовой и художественной литературы. Из 140 названий книг, выпущенных в 1931—1934 гг. на этих языках, около 120 было написано, переведено или отредактировано этнолингвистами.

Кроме уже названных этнографов, в этой работе принимали участие Г. Д. Вербов (по ненецкому языку), И. С. Вдовин (по чукотскому), Н. А. Богданова (по корякскому), Н. Ф. Прыткова (по хантыйскому).

Создание письменности на языках народов Севера имело большое значение в борьбе за всеобщее начальное обучение, ликвидацию неграмотности и в подготовке кадров национальной интеллигенции. Последний вопрос заслуживает особого рассмотрения.

Подготовка кадров национальной интеллигенции являлась составной частью программы социалистического строительства на Крайнем Севере. Начало подготовки специалистов средней и высшей квалификации

²⁸ А. В. Луначарский, Задачи Наркомпроса на Крайнем Севере, «Северная Азия», 1927, кн. 3, стр. 20.

²⁹ В. И. Цинциус, Родной язык в начальных школах народов Крайнего Севера, сб. «Просвещение на Советском Крайнем Севере», вып. 8, Л., 1958, стр. 78.

³⁰ К организации первых туземных школ на северном побережье Чукотского полуострова, «Советский Север», 1931, № 1, стр. 51.

³¹ Кадры лингвистов-северников стали готовиться на Северном отделении Педагогического института им. А. И. Герцена (Ленинград) лишь с 1930 г.

³² В скобках указаны имена составителей.

было положено в 1925 г., когда на Рабфак Ленинградского университета впервые была принята группа учащихся из коренного населения Севера. В 1926 г. организуется Северное отделение при Рабфаке Ленинградского института живых восточных языков, куда были переведены и учащиеся Рабфака университета. Значение этого учебного заведения было определено А. В. Луначарским следующим образом: «Рабфак северных народностей — своего рода чудо, потому что, если совершенная правда то, что о нем рассказывают, то тут достигается два чуда. С одной стороны, с очень большой быстротой, свидетельствующей о естественной природной талантливости людей, происходит соприкосновение северных туземцев с культурой. С другой стороны, в молодых людях, детях Севера, появляется чрезвычайный интерес в смысле служения своей народности. Если мы привлечем теперь к работе среди туземцев молодую туземную интеллигенцию, если мы сосредоточим свои силы для достижения этой цели, мы добьемся больших и серьезных успехов»³³.

В 1930 г. Северное отделение Рабфака было реорганизовано в самостоятельное учебное заведение — Институт народов Севера (ИНС), в котором обучались исключительно представители коренного населения Севера.

Преподавательскую и воспитательную работу среди студенчества института вели многие этнографы — В. Г. Богораз, Е. Д. и Г. Н. Прокофьевы, Г. Д. Вербов, Н. К. Каргер, Н. Ф. Прыткова, В. И. Цинциус, Т. И. Петрова, Г. М. Василевич, В. А. Аврорин, Е. Р. Шнейдер, З. Е. Черняков, В. Н. Чернецов, Е. А. Крейнович и др.

Особенно много по подготовке национальных кадров сделал С. Н. Стебницкий, умело руководивший группой студентов-коряков. Под его руководством выросли такие видные корякские писатели, как Кецай Кеккетын и Лев Жуков. Деятельность С. Н. Стебницкого не ограничилась стенами Института народов Севера. Во время пребывания на Камчатке в 1933—1934 гг. он был одним из организаторов и преподавателем курсов по подготовке работников партийного и советского аппарата из коренного населения, созданных при Корякской культбазе.

Большую организаторскую и преподавательскую работу вел директор Института народов Севера Я. П. Кошкин.

Институт воспитал первых политических деятелей, ученых, писателей, художников из среды народов Севера. Это депутат Верховного Совета СССР I созыва чукча Тывлянто, эвенк В. И. Увачан — ныне депутат Верховного Совета СССР, доктор исторических наук; хант Н. И. Терешкин, манси М. П. Баландина и нанаяц С. Н. Оненко — кандидаты филологических наук; чукча Вуквол — талантливый художник; удэгеец Джанси Киманко — писатель, автор повести «Там, где бежит Сукпай», и др.

Кроме Ленинграда, специальные учебные заведения или отделения при педагогических институтах и техникумах для детей народов Севера были открыты и в ряде городов Сибири и севера Европейской части СССР. Во многих из них преподавательскую работу вели этнографы. В Нарьян-Марском техникуме (Ненецкий национальный округ), например, учебной частью в 1931—1932 гг. заведовал Г. Д. Вербов. В Дальневосточном техникуме народов Севера, в конце 20-х — начале 30-х годов преподавали Е. П. Орлова, Л. Н. Шаврова, Я. Минц, в годы Великой Отечественной войны — В. А. Аврорин и Е. П. Лебедева.

В послевоенный период этнографы также работали по подготовке национальных кадров. В Ленинградском университете им. А. А. Жданова и Педагогическом институте им. А. И. Герцена преподавали И. М. Суслов, И. С. Вдовин, Н. М. Ковязин, Т. И. Петрова, Е. П. Лебедева, В. А. Аврорин, Т. А. Молл, М. О. Афонская и молодое поколение этнографов — Н. И. Гладкова, Л. В. Хомич, Ч. М. Таксами и др. Активно

³³ А. В. Луначарский, Указ. раб., стр. 21.

продолжала педагогическую деятельность, начатую еще в конце 1920 г., доктор филологических наук В. И. Цинциус. В Хабаровске подготовку национальных кадров вела Н. А. Богданова, которая в течение ряда лет возглавляла Северное отделение в Педагогическом институте.

* * *

Социалистические преобразования в районах Крайнего Севера, начатые в 1920-е годы, успешно продолжались и в послевоенный период. Поворотным этапом в развитии национального строительства в эти годы явилось Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» от 16 марта 1957 г. В подготовке Постановления вместе с другими специалистами участвовали и этнографы И. С. Вдовин, Б. О. Долгих, Е. Д. Прокофьев и А. В. Смоляк, хорошо знавшие положение на местах.

С конца 50-х годов в большинстве гуманитарных научно-исследовательских учреждений, связанных с Севером, расширяется тематика по изучению современности. В Институте этнографии Академии наук СССР создается специальный сектор. Этнографические исследования современного хозяйства, культуры и быта народов Севера дают центральным и местным организациям, министерствам и ведомствам богатый материал для составления перспективных планов развития промыслового хозяйства, преобразования быта населения, путей развития национальной культуры и т. д.

Этнографы широко привлекаются к работе конференций и совещаний, посвященных практическим проблемам развития экономики Севера, вопросам борьбы с вредными пережитками прошлого, разработке новых обрядов и т. д.

Научные консультации с каждым годом приобретают все более практический характер. Например, этнографы оказывают помощь архитектурным организациям, ведущим проектирование жилищного строительства на Севере. Особо следует отметить такие важные государственные мероприятия, как подготовка к Всесоюзным переписям населения.

Народы Крайнего Севера, среди которых работали первые советские этнографы, с помощью братских народов страны успешно преодолели вековую отсталость. Бурными темпами развивается индустриализация районов Севера, на социалистической основе преобразовано традиционное промысловое хозяйство коренного населения, изменился его быт, большие успехи достигнуты в культурном строительстве. Политическое развитие возрожденных народов Севера нашло свое выражение в образовании национальных округов, которые имеют своих представителей в Верховном органе страны. В результате претворения в жизнь ленинской национальной политики малые народы Севера стали равноправными членами великой семьи советских народов.

THE ROLE OF ETHNOGRAPHERS IN THE PRACTICAL REALIZATION OF THE LENINIST POLICY TOWARDS NATIONALITIES IN THE EXTREME NORTH (1920—1930)

The paper recounts the part played by ethnographers in realizing the Leninist policy with regard to nationalities in the Extreme North in 1920—1930. Numerous data are adduced showing the work enthusiastically carried on by ethnographers which was intimately linked with the aim of eliminating the all-round backwardness in the most remote and out-of-the-way regions of the tundra and the tundra and with socialist construction in these regions.